

ОЛЕТ СЕРГЕЕВ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОГО МИРА

18+

Олег Сергеев

Новая история старого мира

«Автор»

2026

Сергеев О.

Новая история старого мира / О. Сергеев — «Автор», 2026

Чужое тело. Чужой мир. Чужие правила, за нарушение которых платят жизнью. Очнувшись в новом мире, он должен стать другим: научиться молчать, когда хочется кричать, и доверять тем, кого едва знает. Дорога сквозь лес — его первый шаг в жизни, где смерть — не конец, а начало. В книге возможны сцены для взрослых, не рекомендуется к чтению лицам (понятно каким)Пы.Сы. я предупредил

© Сергеев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Олег Сергеев

Новая история старого мира

Глава 1

Олег вернулся из Сочи и теперь бесился у подъезда, меряя шагами тротуар. Шурик ещё десять минут назад сказал: «Выхожу», — и до сих пор не вышел.

Вчера вечером он примчался с курорта, где отдыхал по льготной путёвке. В первый же день Олег выполнил программу-минимум: в море искупался, выпил местного вина, сходил на дискотеку, «закадрил» девушку.

Когда в двухместном номере, после коньяка и моря, он занялся любовью с отдыхающей девицей, сосед по комнате спрятался под одеялом. Ноябрь, галька, вода ледяная — не полежишь, не расслабишься, а вести девицу куда-то ещё не было ни желания ни денег.

На следующий день сосед не выдержал и вызвал охрану. Девушку выпроводили. Олег за это предъявил претензию — та налилась красным и ярко засветилась под глазом соседа. В итоге он съехал, оставив апартаменты в личное пользование. Ещё одна маленькая победа.

— Да где ты, наконец?! — рявкнул Олег и рванул в подъезд, взлетел на второй этаж, увидел приоткрытую дверь и ворвался в квартиру.

Шурик сидел на пуфике, дрожащими пальцами пытаясь завязать шнурки.

— Ну ты чего так долго? Водка греется, — бросил Олег.

В коридоре было темно, и только сейчас он заметил: с другом что-то не так. Лицо осунулось, похудело, в тусклом свете из подъезда оно казалось бледным пятном. От крепкого парня, служившего в войсках дяди Васи, почти ничего не осталось.

— Может, ну её, эту улицу... У тебя посидим? — голос Олега вдруг стал тише, будто сам испугался своего прежнего напора.

— Да нет, справлюсь, — медленно, с усилием вставая, ответил Шурик. — Не слишком часто из дома выхожу. Хоть напоследок подышу свежим воздухом.

Лавочка была ледяной, будто из неё специально выстудили всё тепло. Олег сел, и холод тут же вцепился в спину, напомнил, что ноябрь — не про курортные сказки.

Шурик сел рядом, медленно, будто каждое движение стоило ему лишней секунды жизни. И тут Олег впервые по-настоящему его услышал: не слова, а тишину между ними. Ту самую, в которой не слышно обычного Сашкиного ворчания, шуток, тяжёлого, уверенного смеха. Вместо этого — только скрип лавочки и далёкий шум машин, который вдруг стал слишком громким, как будто город нарочно старался не дать им остаться наедине с этой тишиной.

Олег открыл бутылку. Пробка щёлкнула, и этот звук прозвучал неестественно громко, будто выстрел в пустой комнате. Он налил в пластиковый стаканчик, протянул другу. Шурик покачал головой и стал рассказывать:

— Когда совсем неважноту стало, с женой доехали до больницы, — спокойно, буднично начал он, будто рассказывал, как добирался на маршрутке. — Диагноз — рак желудка, четвёртая стадия. Метастазы пошли. Врачи руками развели.

Слова падали в эту тишину, как камни в колодец: тяжёлые, гулкие, без возврата.

— Месяц, может, ещё протяну. Боли невыносимые, уколы уже не помогают. Завтра родственники опять хотят к какой-то бабке-знахарке везти. Я не верю. Фигня всё это, против рака ничего не поможет — закончил он так же ровно.

А Олег сидел и чувствовал, как у него внутри всё сжимается, становится маленьким и холодным.

Он не стал спрашивать, почему не пошёл к врачам раньше. И так понятно. Не баре по докторам бегать, надо работать, семью кормить. Всегда тянули до последнего: авось пронесёт. В этот раз не пронесло.

У Сашки оставалось двое детей: пацан, которому скоро семнадцать, и дочь — четырнадцати лет. Хорошо ещё, что почти выросли.

Слов у Олега не было. Только руки, которые наливали и наливали в свой стаканчик, будто пытались залить этот холод внутри.

Так они и просидели, пока жена не увела Сашку домой.

Через три недели его не стало.

Янин и Интина плыли по небу — красный и синий спутники, будто две противоположности, вечно стремящиеся друг к другу и вечно разлучённые. На миг казалось, что стоит лишь протянуть руку, и можно дотянуться до их ледяного света, но между ними всегда оставалось непреодолимое пространство — как между людьми, которых разделяют долг, страх и непризнанные желания. Над Танарией шагала ночь, укрывая мир плащом из звезд, тяжёлым и холодным, как предчувствие беды: казалось, сама тьма затаила дыхание, прислушиваясь к шорохам, что крались по земле и скользили по камням.

Пятеро магов на крепостной стене не отрывали взглядов от далёких огней, взлетающих в небо. Их силуэты были застылыми, как статуи, но в каждом угадывалось напряжение — пальцы судорожно сжимали рукояти посохов, на лбах выступил пот, а в глазах, помимо усталости, скользили отблески тревоги. С каждым новым огненным шаром, с каждым треском вдалеке сердце стучало всё громче: никто не знал, когда именно начнётся настоящий штурм.

— Этим дурным что, заняться нечем? — буркнул один, но в его голосе слышалась не столько злость, сколько усталость от бесконечного ожидания. Его слова повисли в воздухе, не встретив возражений: каждый из них уже не первый день стоял тут, разрываясь между страхом и скукой, между долгом и отчаянием.

Эта крепость веками перекрывала путь в княжество, становясь камнем преткновения в затяжной войне с Леннарией. Только войной это называли лишь по привычке: не было ни штурмов, ни попыток стереть укрепления с лица земли. Были лишь набегии воительниц-магинь — быстрые, как удары молнии, и такие же беспощадные. Они брали пленных и исчезали, оставляя после себя лишь пепел и вопросы. В памяти каждого стража жили ночи, когда в темноте вспыхивали красные сполохи, а потом на рассвете находили только обугленные доски, разорванные цепи, да пустые глаза тех, кому не повезло выжить.

Подгорье, имя этих земель, звучало как предупреждение: здесь не прощали ошибок. Каждый шаг, каждое слово — всё могло стать последним. И сегодня огненные шары над лагерьом воительниц на юге казались не сигналами, а насмешкой. Высший клан Леннарии — Массар — получил право атаковать крепость на ближайшие пять лет. И, похоже, они не собирались тратить время впустую. Ветер доносил до стены отдалённые крики, звон оружия, запах разогретого металла и пряной травы, которой натирали свои тела магини, готовясь к нападению.

— Заждались, мальчики, — прошепестел мелодичный голос из темноты, обманчиво нежный, как прикосновение лезвия. В этих словах была издёвка, но и лёгкая грусть, как будто сама ночь, наконец, решила вступить в игру. Маги вздрогнули, кто-то судорожно вцепился в край каменного зубца, кто-то попытался пробормотать защитное заклинание, но было уже поздно.

Слова ещё не успели затихнуть, а в воздухе уже расцветали узоры магических плетений — яркие, хищные, заметные только в магическом зрении. Они сплетались в сложные сети, переливались алым и синим, словно отражая в себе свет тех самых спутников, и в этот миг стало ясно: ловушка захлопнулась. Из мрака возникли фигуры, быстрые и точные, будто сотканные из самой тени. Их глаза сверкали багровым, движения были отточены до невозможности — ни звука, ни лишнего жеста. Парализованные маги даже не успели осознать, что проиграли, прежде чем их спеленали верёвками и начали спускать со стены — вниз, туда, где ночь становилась не укрытием, а ловушкой, где каждый вдох отдавался эхом страха, а каждый шаг по земле — смертельной неизбежностью.

Над Славградом стояло ясное весеннее солнце — такое, что даже старые крыши будто светлели, а воздух пах пылью, травой и дымом из труб. С далёкого юга вернулись птицы: они кружили над городом, ныряли под карнизы, начинали заново обживать старые гнёзда и спорить из-за веток для новых.

По старой традиции жители выносили на заборы тюфяки и матрасы — выбивали из них зимнюю сырость, проветривали под солнцем. По дворам бегали куры, в сараях мычали коровы, нетерпеливо кося глазом на ворота: там, на пастбищах, уже пробивалась сочная молодая трава. Простой люд жил своей исконной жизнью, мало обращая внимания на творимую вокруг суету. Для них всё шло как положено: весна приходила, птицы возвращались, солнце грело.

А в центре города, в пёстром тереме, раскрашенном так, что по цветам можно было прочесть, какими силами владел тот или иной правитель Подгорья, всё было иначе.

Из окна на втором этаже доносились крики: старый князь воспитывал подчинённых.

— Черти малохольные, вы там что, совсем сбрендили?! — рявкнул князь Дмитрий, и голос его, тяжёлый и хриплый, будто оседал пылью на стенах.

Трое воинов в броне стояли, понутив головы, и молчали. Их доспехи тускло поблёскивали в свете, который казался здесь неуместным, слишком лёгким для этой комнаты.

— Как можно утащить со стены пятерых магов? Чтобы все теперь ходили на стенах прикреплённые! — приказал князь и, устало вздохнув, отпустил бледных защитников пограничной крепости.

Когда воины вышли, Дмитрий подошёл к столу из дорогого красного дерева и тяжело опустился в кресло. На его широком лбу залегли глубокие морщины, а сильные пальцы начали отстукивать нервную дробь — будто пытались выбить из столешницы хоть какой-то ответ. Он очень устал. Напряжение грызло изнутри, день за днём, и князь знал: ещё немного — и оно просто сломает его.

Ползли нехорошие слухи про его сына, княжича Вольдемара: будто он связался с какой-то леннаркой. В княжестве тем временем продолжали пропадать одарённые дети — и всегда только мальчики. Ведь мальчики, в которых просыпалась магия, во всём мире остались только здесь: Подгорье по-прежнему называли последним оплотом ушедших богов. Люди здесь до сих пор верили в бога войны Тора и его жену Астру, богиню очага.

Восемь веков назад Тор вместе с женой ушёл из этого мира куда-то очень далеко. Он даже не смог прийти на помощь своему сыну Торгрину, оставленному вместо себя, — и тот погиб, когда началась война между богами. Все знали, что одарённых детей крадут жрицы богини Танары, но поделаться ничего не могли.

Да ещё эта война с Леннарией на южных границах, тянущаяся уже двадцать лет... Леннария давно бы захватила их, но не хотела зря проливать кровь: королевству были нужны мужчины-маги и мальчики с даром. Богине Танаре не удавалось забирать у них суть Ян, как она делала в остальном мире. Но князь чувствовал: сколько верёвочке ни виться, конец один.

Смерть стояла рядом и ждала, когда он наконец упадёт в её объятия. Единственное, чего хотелось Дмитрию, — хлопнуть напоследок дверью так, чтобы мерзкая богиня навсегда запомнила последнего подгорского князя.

Дверь распахнулась, и внутрь, громко топая сапогами по половицам, вошёл громадный мужик в просторных шароварах и белой рубаше, опоясанный широким поясом, на котором драгоценными камнями были выложены древние руны.

Последний жрец ушедшего бога грозно смотрел на Дмитрия. Его пронзительный взгляд из-под кустистых бровей будто прожигал насквозь. Длинный посох в руке сверкал навершием, и каждый шаг отдавался глухим стуком, словно отсчитывал последние спокойные дни. Подойдя, он облокотился на стол и пророкотал:

— Что, князь, просрал княжество?

— Не береди душу, Захар. Можно подумать, ты не растерял свою паству? — Дмитрий смотрел равнодушно, его уже давно не волновал грозный вид жреца. — Говори, зачем пришёл, и вали отсюда. Дел и без тебя хватает.

— Правда твоя, князь. Силён супостат, не сдюжили мы, — тяжело вздохнул гость. — Я к тебе за помощью пришёл. Хочу напоследок этой стерве Танаре свинью подложить. Появилась одна идея, — пророкотал басом жрец и замолчал, ожидая ответа.

— Это очень хорошо. Я обеими руками за. Говори, Захар, чего тебе надобно, — князь впился взглядом в глаза жреца, будто в них можно было прочесть хоть каплю надежды.

— Надобно мне найти трёх отроков способных да девять девиц непорочных. Собрать их в месте тайном, так чтобы никто не прознал. А ещё помощница нужна, с девками заниматься. Лекарка лучше всего подошла бы, — быстро перечислил Захар.

— Ну и запросы у тебя... Девочек-то ещё найду, с ними проблем пока нет. А где я тебе парней возьму? Они и так наперечёт, особенно одарённые, — покачал головой Дмитрий.

— Ты поищи, поскреби по сусекам. Может, и найдёшь где? Чую, недолго нам осталось землю копать, — Захар смотрел требовательно, не отводя взгляда.

Где-то с минуту они молча глядели друг другу в глаза. Потом князь нагнулся, достал из-под стола бутылку с самогоном и спросил:

— Будешь?

— Наливай, — ответил жрец. — Под это дело заодно всё и обмозгуем.

Самогоны в горле и на языке разливался острым, неудержимо крепким вкусом — сначала настигал жгучей волной, словно огонь, который пробивался сквозь грудь, разнося по жилам мгновенное тепло. Первый глоток обжигал до слёз, щипал язык, будто прокатывался по внутренностям шершавым колесом, до самых костей. За ним следовал хрустящий, прохладный вкус солёного огурца, который смягчал жжение и возвращал в тело ощутимую живость, дарил мгновение деревенского лета — терпкая соль, зелёная свежесть, лёгкая кислинка. Вторая порция самогона уже не резала так остро, расплзалась по телу мягким, почти уютным жаром, словно волна сдерживаемой силы. Послевкусие оставалось долгим, металлическим, с нотами брожения и слегка горьковатым следом, отчётливо напоминая о тяжёлых дум и мужском упрямстве. Этот вкус не только опьянял, но и отдавал эхом всей той скопившейся в комнате усталости, тревоги, ожидания, словно собравший в себе всю тяжесть и отчаянную надежду ушедших лет.

Князь вытер рот тыльной стороной ладони и прищурился:

— Ну, рассказывай. Что за идея?

Захар повертел стакан в широких ладонях, будто взвешивая что-то невидимое.

— В старых записях храма нашёл кое-что. Не проводили это уже тысячу лет. Может, и к лучшему, что не проводили. Последний раз — когда Тор ещё ходил среди людей.

Дмитрий поднял бровь.

— Ты хочешь сказать, что сам Тор...

— Не сам Тор. Его жрецы. Но это не та штука, которую можно рассказать в двух словах. И не та, про которую стоит болтать лишний раз. Скажу одно: если получится — Танара запомнит. Надолго.

— А если не получится?

Захар молча налил себе ещё.

Тишина комнаты была не полной — в ней таились тяжёлые, глухие звуки: цокот сапог по деревянным половицам раскатывался гулкими ударами, словно в предчувствии грядущей грозы. Голоса звучали низко, хрипло и устало; бас Захара пророкотал в пространстве, словно раскаты грома, а его речь, размеренная и медленная, билась в стены, будто ища отклик или поддержки. Князь отвечал короткими, резкими фразами, голосом, обожжённым долгими ночами без сна. Крики, донёшшиеся ранее из окон, плавно затихли, осели пылью на стенах, оставив лишь отголосок тревоги. Звяканье бутыли и стаканов раздалось коротко и резко, нарушая вязкую атмосферу, а крепкий глоток самогона сопровождался тихим вздохом облегчения и коротким приглушённым кашлем. За дверью, едва уловимо, доносились приглушённые звуки жизни терема: скрип старой мебели, отдалённое мычание скота из двора, едва слышное куриное кудахтанье. Всё сливалось в общее ощущение медленного, но неотвратимого движения событий — затаённый ритм мира, в котором герои пытались вырваться из-под гнёта судьбы.

Князь посидел, глядя, как самогон дрожит в стакане мелкой рябью.

Воздух в комнате казался густым, пропитанным тяжелой смесью запахов: прелое дерево столешницы отдавалось сладковатым духом старины, смешанным с терпкостью холодного металла от поясов и доспехов, витающих ещё после ухода воинов. Крепкий, жгучий аромат самогона резал ноздри, мгновенно смешиваясь с кисловатым запахом огуречного рассола — этот запах пробуждал воспоминания о домашнем уюте, но на фоне тревоги казался почти кощунственным. В глубине ощущалось нечто древнее, будто едва уловимый фимиам, оставшийся от жреческих обрядов: смесь воска, сухих трав и вековой пыли, оседающей на всех вещах. Запах дыма и пота, вьевшийся в старые стены, дополнял картину напряжённости: каждое дыхание приносило резкую отповедь — здесь давно не было ни свежести, ни покоя, только настороженность и надежда на забытое облегчение опьяняющего напитка. Даже весенние ароматы, проникавшие сквозь приоткрытое окно, глохли среди этой тяжёлой атмосферы, а весь мир вне терема казался нереальным, отодвинутым за порог времени и пространства.

Они ещё немного помолчали. За окном весна чувствовала себя хозяином положения: где-то кричала птица, хлопала дверь, кто-то ругался на улице. А здесь, за толстыми стенами терема, два старых врага всей этой суеты сидели и решали, как пройти через то, через что, может, не получится пройти.

— Про сына твоего слышал, — вдруг сказал Захар, и голос его стал тише, осторожнее.

Дмитрий дёрнулся, будто его ткнули в больное место.

— Не начинай.

— Я не осуждаю. Леннарка — это не приговор, князь. Молодой парень, кровь кипит, а тут девки с южной стороны... Я не про то. Я про то, что если Вольдемар связался с ними, он может знать больше, чем мы.

— Ты хочешь использовать моего сына?

— Я хочу его спросить. Не использовать. Спросить.

Дмитрий встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Там бабка выбивала тюфяк, и пыль летела в стороны, как дым. Князь смотрел на это и думал, что бабке проще: у неё есть тюфяк, есть палка, и задача понятная — выбить пыль.

— У тебя дети есть, Захар? — спросил он, не оборачиваясь.

— Были. Двое. Давно.

— Что случилось?

— То же, что со всеми. Мальчиков забрали. Девочка... выросла, ушла. Не верится уже в богов, когда детей крадут. — Жрец говорил это так спокойно, что становилось страшнее, чем если бы он кричал. — Я не прошу тебя отдать сына. Я прошу тебя поговорить с ним. Не как князь, а как отец.

Дмитрий повернулся. Лицо его было старым, и не от возраста, а от того, что последние двадцать лет каждое утро добавляли по новой морщине.

— Завтра приду в храм. Утром. Трезвый.

— Не обязательно трезвый, — хмыкнул Захар.

— Обязательно, — отрезал князь. — Если мы делаем это, то делаем как надо. А не как обычно.

Захар допил свой стакан, поднялся, опираясь на посох. Встал тяжело, как встают люди, которые несут на плечах больше, чем видно глазом.

— Добре. Я подготовлю записи к утру. Ты приходи. И... князь?

— Что?

— Спасибо.

Дмитрий не ответил. Просто сел обратно в кресло и налил себе ещё.

Захар вышел, и шаги его, тяжёлые, мерные, гулко простучали по лестнице и стихли. Жрец отрезвил себя магией, не доходя до ворот, и зашагал к храму.

А князь остался сидеть, глядя в окно, где над Славградом в ясном весеннем небе плыли два спутника — красный и синий, безразличные ко всему, что творилось внизу. Потом налил ещё, и ещё, и уснул, уронив голову прямо в тарелку с огурцами.

В Подгорье наступил вечер. А в мир шли перемены, о которых никто пока даже не догадывался.

Глава 2

Утро ударило в голову не светом, а тяжестью. Дмитрий проснулся не от петухов, не от криков слуг, а от того, что в висках стучало так, будто кто-то изнутри пытался выломать череп. Он открыл глаза и увидел перед собой тарелку с огурцами, в которую вчера уронил голову. Во рту стоял горький привкус самогона, а в груди — холод, который не выветривался ни сном, ни временем.

Князь сел, поморщился от резкого движения и провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть с себя эту слабость. В комнате было тихо. Слишком тихо — значит, все уже знают, что князь не в духе, и стараются не попадаться на глаза.

— Воды, — хрипло бросил он в пустоту.

Через минуту в дверь тихо постучали, и вошла служанка с кувшином и полотенцем. Она не смотрела ему в глаза, только поставила всё на стол и выскользнула, как тень. Дмитрий плеснул водой в лицо, вытерся и замер, глядя на своё отражение в серебряном зеркале. Лицо казалось чужим: постаревшим, серым, с глубокими тенями под глазами.

«Обещал прийти трезвым», — подумал он и усмехнулся безрадостно. Пропустив через голову поток маны, почувствовал облегчение. И это уже что-то.

Князь оделся без лишней роскоши — простая рубаха, кафтан, тяжёлые сапоги. Никаких золотых цепей, никаких перстней. Сегодня он шёл как отец и человек, которому нужно принять решение, от которого зависит не только его жизнь.

На улице пахло весной, но этот запах казался Дмитрию фальшивым. Слишком сладким, слишком беззаботным для того, что творилось в его душе. По дороге к храму он шёл медленно, нарочно не ускоряясь, чтобы дать себе время подумать.

Славград просыпался. У колодца две бабы спорили, чья очередь черпать. Мальчишка лет десяти гнал гусей, орал на них, размахивал палкой, а гуси шипели в ответ, будто понимали каждое слово. На углу старик чинил забор — доски были старые, седые от дождей, но он всё равно их прибивал, будто верил, что этот забор простоит ещё сто лет.

Дмитрий остановился, наблюдая за ним. Старик поднял голову, увидел князя, хотел было поклониться, но Дмитрий махнул рукой:

— Не надо. Продолжай.

Старик кивнул и снова взялся за молоток. И в этом простом движении было столько упорства, столько тихой веры в то, что нужно просто делать своё дело, что у Дмитрия на мгновение перехватило дыхание.

— Крепко держится, — сказал он, скорее себе, чем старику.

— А куда деваться? — пожал плечами старик. — Дом сам себя не починит.

Эти простые слова ударили сильнее любых речей советников. Дом сам себя не починит. И княжество само себя не спасёт.

Храм стоял на окраине, на небольшом холме, откуда открывался вид на весь город. Каменные стены потемнели от времени, резьба на дверях почти стёрлась, но всё ещё угадывались древние руны — знаки Тора, когда он ещё ходил среди людей.

Двери были приоткрыты. Дмитрий толкнул их и вошёл. Внутри было прохладно и тихо. Пахло ладаном, старым деревом и чем-то ещё — терпким, почти металлическим, как запах магии, которая долго копилась в одном месте.

Захар уже ждал. Он стоял у алтаря, спиной к двери, и что-то чертил углём на большом свитке. Услышав шаги, жрец не обернулся сразу, будто давал князю время собраться с мыслями.

— Пришёл, — наконец произнёс Захар, не поднимая головы.

— Обещал, — коротко ответил Дмитрий.

Жрец повернулся. В его взгляде не было ни насмешки, ни упрёка — только усталость, такая же глубокая, как у самого князя.

— Самогон был хороший, — хмыкнул Захар, сворачивая свиток. — Но утро после него всегда хуже.

— Знаю, — буркнул Дмитрий. — Не для того я пришёл, чтобы про самогон слушать.

— И не надо. Давай про дело.

Они сели на лавки у стены. Захар достал из-под алтаря ещё один свиток, старый, пожелтевший, с пятнами воска. Развернул его осторожно, будто боялся, что бумага рассыплется от одного прикосновения.

— Вот тут, — ткнул он пальцем в середину, — место. То самое, которое Танара не видит. Оно скрыто, спрятано под слоями старых чар. Я сам туда ходил, проверял. Там тихо. И там можно... попробовать.

Дмитрий наклонился, вглядываясь в непонятные знаки и кривые линии. Он не умел читать эти руны, но чувствовал, что за ними скрывается что-то огромное, тяжёлое, опасное.

— А если не получится? — повторил он свой вчерашний вопрос, будто надеялся, что сегодня ответ будет другим.

— Если не получится, — спокойно ответил Захар, — то мы хотя бы попытались. А сидеть и ждать, пока они заберут всех мальчишек, пока княжество рассыплется, как старый забор... — он помолчал, потом добавил тише: — Я уже потерял своих. Не хочу, чтобы ты потерял своего.

Имя Вольдемара повисло в воздухе, тяжёлое и острое, как лезвие.

Дмитрий сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он хотел сказать, что не позволит рисковать сыном. Хотел рявкнуть, приказать, запретить. Но вместо этого выдохнул и произнёс:

— Расскажи всё. До конца. Без загадок.

И Захар начал рассказывать. Слушая его, Дмитрий думал о том, что впервые за долгое время ему не хотелось быть князем. Хотелось быть просто отцом, который может защитить своего сына. Но он не мог. Потому что если он защитит только сына, он предаст всех остальных.

Когда Захар закончил, в храме стало тихо. Только где-то высоко под крышей ворковал голубь, и этот звук казался невероятно громким в этой тишине.

— Я найду их, — наконец сказал Дмитрий, не глядя на жреца.

Он поднял глаза и впервые за всё утро улыбнулся — криво, без радости, но искренне.

— Ладно. С чего начнём.

Князю понадобилось два дня, чтобы через своих людей узнать, где находится лекарка, точнее — даже жрица богини Астры, что являлась женой бога Тора. Про неё ему сказал Захар. По его словам, с ней подготовить детей и провести вызов Тора будет проще всего.

Узнав, где сейчас та находится, он тут же вызвал двух опытных гридней, чтобы поручить им эту задачу.

Они стояли перед ним в малой приёмной — двое. Егор — широкий, кряжистый, с лицом, на котором эмоции появлялись редко и ненадолго. Фёдор — жилистый, зоркий, с тем взглядом, который всё замечает и ничего не забывает.

Дмитрий сидел за столом, перед ним — берестяной список и карта Подгорья, исчерченная пометками.

— Слушайте приказ. Найдите лекарку. Зовут Эльза Матвеевна. Живёт в Городище, за оврагом, дом на отшибе, травы на верёвках. Не спутаете.

Фёдор кивнул: знал, где Городище.

— Она нужна жрецу Захару. Для дела, о котором вам знать пока не положено. Скажете: князь просит приехать. Дадите письмо. Печать моя. Если спросит, зачем — скажете правду: не знаете. Она не любит, когда врут.

— А если откажется? — спросил Егор.

— Она не откажется. Она из тех, кто отказывается от лёгкого, а от тяжёлого не отказывается. Но если всё же упрётся — не тяните, возвращайтесь. Насильно не тащить.

Фёдор записал имя. Дмитрий протянул ему сложенный пергамент с печатью.

Егор с Фёдором выехали из Славграда на рассвете, пока над городом ещё висел сырой туман, а улицы были пусты. Дорога до Городища шла через старый бор — деревья там стояли так плотно, что небо проглядывало лишь редкими синими заплатками. Фёдор ехал чуть впереди, высматривая звериные тропы и свежие следы колёс, а Егор держался позади, привычно прислушиваясь к тишине — в тишине, по его опыту, пряталось больше опасностей, чем в шуме.

Два дня пути пролетели без происшествий: ночевали у костров, пили воду из чистых ручьёв, изредка встречали крестьян, которые кланялись при виде княжеских знаков на сбруе. На третий день ближе к полудню лес расступился, и перед ними открылось Городище — небольшое село, прижавшееся к склону холма. А за оврагом, как и говорил князь, стоял дом на отшибе: крепкий, потемневший от дождей, с заросшим, но ухоженным двором. На верёвках от крыльца до сарая сушились пучки трав, и воздух вокруг был густой, пряный, будто настоящий на тысяче разных запахов.

Фёдор спешился первым, постучал в калитку ладонью, не кулаком — чтобы не напугать. Из дома вышла рыжая девчонка лет пятнадцати, босиком, в простом платье. Посмотрела на гридней спокойно, без страха.

— Чего надо?

— Княжеское дело, — ответил Егор ровно. — К Эльзе Матвеевне. Скажи: гридни князя Дмитрия, по важному слову.

Девчонка кивнула и скрылась в доме. Прошло несколько минут, и на крыльцо вышла женщина.

И Фёдор на мгновение замер. Он-то ждал знахарку в годах, с тяжёлым взглядом и руками, побитыми работой. А перед ним стояла женщина, которой на вид можно было дать не больше двадцати. Высокая, статная, коса тёмная, тяжёлая, перекинута через плечо. Лицо чистое, будто умытое утренним ветром, глаза серые, спокойные, но такие, что сразу становилось ясно: эта женщина видит больше, чем говорит. На ней было тёмно-зелёное платье без украшений, а в руках — пучок сухой травы, который она держала не как украшение, а как инструмент.

— Ну, — сказала она негромко, но так, что оба гридня чуть выпрямились. — Вижу, не за подорожником приехали. Говорите.

Егор шагнул вперёд, снял шапку — так, как делают, когда хотят показать уважение.

— Князь Дмитрий просит, чтобы вы приехали в Славград. Дело важное, не казённое, не прибыльное. Для жреца Захара нужно. А больше нам не велено говорить.

Эльза Матвеевна чуть приподняла бровь, будто взвешивала каждое слово.

— А если не поеду?

Фёдор ответил раньше, чем успел подумать:

— Тогда князь сам приедет. Или жрец. Но князь хотел, чтобы мы. Чтобы без лишней суеты.

Она усмехнулась — совсем чуть-чуть, уголком губ.

— Суета мне не нравится. Ладно. Дайте письмо.

Фёдор достал пергамент, протянул. Эльза Матвеевна взяла, не торопясь, сломала печать, прочла коротко, кивнула. Сложила и убрала за пояс.

— Завтра утром выеду. Пусть в Славграде готовят комнату и место для трав. И скажите князю: полынь мне нужна. Та, что в казённых лесах. Без неё я не работаю.

— Так запрет же... — начал Фёдор.

— Будет снят, — спокойно сказала она. — Князь знает.

Егор чуть наклонил голову:

— Спасибо, госпожа лекарка. Мы доложим.

— Не благодарите, пока не увидите, что из этого выйдет, — ответила она и повернулась, чтобы уйти. Уже на пороге обернулась: — И ещё. Если кто из ваших будет смотреть на меня как на чудо или как на проклятие — остановите. Я не богиня и не ведьма. Я просто знаю, как не дать человеку умереть, когда все вокруг уже махнули рукой.

Гридни кивнули.

Обратно ехали быстрее — будто дорога теперь сама толкала их вперёд. К вечеру третьего дня въехали в Славград, прошли через ворота, где стража кивала им, как старым знакомым, и напрямик направились к княжескому терему.

Князь ждал их в малой приёмной. Стоял у окна, смотрел, как садится солнце, и лицо у него было такое, будто он не спал трое суток. Когда Егор с Фёдором вошли и поклонились, он резко повернулся.

— Нашли? — спросил сразу, без предисловий.

— Нашли, князь, — ответил Егор. — Завтра утром будет в Славграде.

Дмитрий выдохнул — так, будто до этого держал дыхание целую неделю.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Очень хорошо.

— Ещё просила передать, — добавил Фёдор, — чтобы полынь из казённых лесов ей дали. Говорит, без неё работать не станет.

Князь криво усмехнулся — впервые за много дней.

— Полынь будет. Всё будет. Главное, чтобы она приехала.

Он помолчал, потом посмотрел на гридней так, будто хотел сказать что-то ещё, но вместо этого просто кивнул:

— Отдохните. Завтра день будет тяжёлый. А вы ещё парней искать пойдёте.

Егор и Фёдор поклонились и вышли. В коридоре пахло воском и старым деревом, и этот запах вдруг показался им почти родным — как знак, что они дома, что пока всё идёт как надо.

На следующее утро ворота Славграда скрипнули, и во двор въехала женщина на гнедой кобыле. Плащ выгорел на солнце, сумка у седла туго набита склянками и свёртками, а в осанке — спокойная твёрдость человека, который привык, что мир под неё подстраивается.

Стражники расступились без команды, конюхи метнулись к лошади, будто боялись не успеть. А Эльза Матвеевна шла к терему не спеша, будто и не в княжеский двор вошла, а к себе домой.

Дмитрий стоял у дверей малой приёмной. Рядом — Захар, в сером жреческом одеянии, с посохом, на навершии которого тускло мерцала руна Тора.

— Эльза Матвеевна, — произнёс Дмитрий ровно, когда она поднялась по ступеням. — Спасибо, что приехали. Полынь уже везут из казённых лесов.

Она чуть склонила голову — не поклон, а знак признания: да, я слышу, да, это важно. И посмотрела на Захара. Не как на случайного спутника князя, а как на своего по вере — того, кто служит тому же пантеону, пусть и по-другому.

— Захариюшко, — сказала тихо, почти с улыбкой, но без насмешки.

— Без тебя никак, — просто ответил он. — Ты знаешь этот ритуал. Надеюсь, за время, что мы не виделись, я не сильно постарел?

Лекарка впиалась в него взглядом, собралась было что-то ответить, но передумала и перевела взгляд на Дмитрия.

Князь вдруг почувствовал, что перед ним не просто лекарка, а та, кого его предки ставили вровень с самыми великими жрицами, а был воплощением той силы, которая держала равновесие между богами и людьми. И оттого слова давались тяжелее.

— Мы просим вас о большем, чем просто помощь, — сказал Дмитрий, подбирая каждое слово. — Нам нужно провести ритуал вызова Тора. Чтобы навредить Танаре.

Он не стал прятать суть за красивыми оборотами. Эльза Матвеевна не любила туманных речей.

— Вызов Тора, — повторила она спокойно, будто взвешивала эти слова. — Чтобы подложить свинью Танаре. Да, я понимаю.

Захар шагнул чуть вперёд.

— Для ритуала нужны трое парней с пробудившимся даром и девять девушек.

— Парни — редкость, — тихо сказала Эльза Матвеевна.

— Именно, — кивнул Дмитрий. — Найти троих за короткое время — почти невозможно.

Лекарка помолчала, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними стояло. Потом снова посмотрела на Захара — и в этом взгляде было что-то старое, общее, будто они уже не раз стояли на краю и решали, что делать дальше.

Эльза Матвеевна накинула плотный плащ с меховой оторочкой — ночь в Подгорье брала своё: даже в середине лета воздух пробирал до костей. Подгорье — так местные испокон веков называли своё княжество, затерянное у чёрта на куличках. Именно эта глушь и помогла ему так долго продержаться. С одной стороны — море со скалистым берегом и единственной бухтой со сложным фарватером. С другой — непроходимые горы, с третьей — дремучий лес, населённый магически изменёнными животными. Пройти в Подгорье можно было только с юга — через долину, перекрытую стеной, не пускавшей магинь из соседней Леннарии.

Гридни уже стояли у коней: Егор и Фёдор проверяли упряжь, подтягивали ремни, переглядывались без лишних слов. Столько лет бок о бок — хватало полувзгляда. Лошади переступали копытами, пускали пар ноздрями: чуяли, что выезд будет не на прогулку.

Тропа вилась между старыми соснами, будто сама не хотела вести гостей к людям: то ныряла в овраг, то забиралась на крутой склон, где даже кони шли осторожно, выбирая шаг. Дорога давно не знала ухода: колёса телег оставили в глине глубокие борозды, а в низинах вода стояла чёрными зеркалами, отражая тяжёлые тучи.

Когда впереди наконец показалась первая деревня, даже воздух стал другим: в нём пахло дымом, мокрой соломой и тёплым хлебом — запахом жилья, который после лесной тишины ощущался почти как голос. Избы стояли плотно, прижавшись друг к другу, будто искали защиты; над крышами поднимался дым, стелился низко, не торопясь растворяться в сером небе.

Они неспешно въехали в деревню. У колодца стояла женщина в тёмном платке: смотрела насторожённо, но не убегала. Эльза чуть наклонила голову в лёгком поклоне:

— Доброго дня, хозяйюшка. Ищем старосту.

Женщина помолчала, будто взвешивая каждое слово, потом кивнула в сторону избы с резным коньком:

— Там.

Изба старосты была чуть больше остальных, с крепким крыльцом и лавкой у стены, где в тёплые дни собирались старики. На стук из-за двери раздался хриловатый голос:

— Кто там? Чего надо?

— Гостя, — ответила Эльза, когда дверь приоткрылась и в щели показалось морщинистое лицо с густыми бровями. — Я — лекарка из Славграда. По делу князьему, со мной гридни. Нам бы слово сказать, без спешки.

Староста прищурился, разглядывая гостей, потом медленно приоткрыл дверь шире:

— Ну, заходите. Только коней у крыльца не ставьте — лошади у меня и так нервничают от чужих.

Внутри пахло сушёными травами и старым деревом. На лавке у печи лежала вязанка лучины, на стене висели пучки зверобоя и чабреца. Староста сел на край скамьи, сложил руки на коленях и посмотрел прямо на Эльзу:

— Говорите, чем смогу — помогу. Только если опять про рекрутов или подати — я не тот, кто решает.

Эльза покачала головой:

— Не про подати. Мы ищем одарённых. Парней и девушек, в ком искра есть, да только спит ещё. Сами они об этом не знают. Нам нужно собрать всю молодёжь и проверить. Есть у нас амулет: он покажет, кто с искрой, а кто нет. Быстро, без вреда.

Староста помолчал, теребя край рубахи. Потом кивнул:

— Ладно. Соберу. Дело княжье! Не нам, сиволапым, ему противиться.

Рано поутру на площадке перед избой стояли ребята: кто в простой рубахе, кто в домотканой куртке; девчонки в платках, парни переминались с ноги на ногу. Смотрели с обычным деревенским любопытством: приехали люди от князя — в их деревне целое событие.

Позади толпились их родичи — вся деревня собралась. Каждый оделся как на праздник, и, судя по всему, после того как проверят молодёжь, праздник и начнётся. А пока люди стояли плотной толпой, и в этой тишине то тут, то там проскальзывали тихие, будто стыдливые просьбы. Старик в поношенном кафтане чуть подался вперёд и негромко обронил: «Коли время будет, глянь спину, лекарка... с осени ноет». Молодая женщина, прижимая к себе мальчишку лет пяти, покосилась на Эльзу и тихо шепнула соседке: «Хоть бы травку какую дала... кашляет он третью неделю». А в дальнем краю толпы сухонькая старушка всё порывалась что-то сказать, но только вздыхала да теребила край платка — свои беды привыкла носить в себе, а тут вдруг мелькнула надежда, что хоть слово доброе услышит.

Эльза Матвеевна шагнула вперёд, спокойно, без спешки. Она достала из сумки плоский медный диск на кожаном ремешке. С виду — обычная вещица, только по краю шли тонкие насечки, будто кто-то выводил узор, а потом стёр лишнее.

— Подойди первым, — кивнула она парню в серой рубахе. Тот шагнул, чуть ссутулившись. Эльза поднесла амулет к его груди. Диск остался тёмным, ровным, без проблеска.

— Проходи, — тихо сказала она. — Ты свободен.

Так и пошло: один за другим. Девчонки вздыхали, парни старались держаться ровно, амулет ни на ком не загорался. И только когда подошла черноволосая девушка с внимательными глазами, металл вдруг дрогнул — и по краю пробежала тонкая золотистая искра, будто солнце скользнуло по меди.

Девушка замерла.

— Тихо, — спокойно сказала Эльза, опуская амулет. — Это не беда. Это значит, что в тебе искра есть. Не пугайся.

Она убрала диск в сумку и посмотрела на девушку:

— Теперь с тобой отдельно поговорим, расскажем, что дальше будет.

Так и ехали они от деревни к деревне. Пока месяца через три не набрали нужное количество парней и девушек. Повезло в самом конце пути: очень вовремя вернулся один из охотников со своим сыном, у которого был магический дар. И в той же деревне оказалась девчонка Таисия, подружка одарённого парня, которого звали Сашка. На этом их поиски завершились, и началась дорога к лесному храму, в котором их ждал Захар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.